

Годжо Хара привёз Гэто Сугуру в Главное поместье Годжо, чтобы тот наконец привёл себя в надлежащий вид после трёх месяцев затворничества. Заодно они решили навестить сестёр Нанако и Мимико Хасаба, которых Хара приютил у себя.

— Господин Сугуру! — хором вскрикнули девочки.

Увидев своего спасителя, вытащившего их из деревенского ада, они с плачем бросились к нему и мёртвой хваткой вцепились в его колени.

— Какое счастье, что с вами всё хорошо!

Нанако и Мимико безумно переживали за Гэто с тех самых пор, как Хара вырубил его и увёз в неизвестном направлении. Хотя все эти три месяца женщины из клана Годжо заботились о них как о родных, девочки всё равно изнывали от тревоги за своего благодетеля. И только теперь, увидев Сугуру живым и невредимым, они наконец смогли вздохнуть с облегчением.

Сугуру ласково погладил обеих по головам. Девочки заметно округлились, на щеках появился здоровый румянец, а одеты они были в добротные, красивые вещи. Сразу стало ясно: в Клане Годжо им ни в чём не отказывали. На душе у него потеплело.

Всё-таки он сам вытащил их из той злосчастной клетки, и чувство ответственности за их судьбу до сих пор не угасло. Одно время Сугуру даже всерьёз подумывал официально оформить над ними опеку, невзирая на собственное несовершеннолетие, и стать им приёмным отцом.

Но после трёх месяцев принудительного отпуска на безлюдном острове, устроенного Харой, многое изменилось. День за днём размышляя о своём призвании и идеалах, Сугуру с помощью друга наконец обрел истинный путь. Теперь он твёрдо вознамерился реформировать весь мир магов. Но этот путь неизбежно будет усеян врагами, а значит, маленьким Нанако и Мимико рядом с ним грозит смертельная опасность. Оставлять их у себя было бы чистым безумием, поэтому увозить их из Клана Годжо он не планировал.

Клан Годжо, изрядно перетряхнутый и реформированный Харой, теперь превратился в на удивление приличное место, где сиротам было бы и тепло, и безопасно.

— Со мной всё в порядке, глупышки, — мягко улыбнулся Сугуру, присаживаясь перед ними на корточки. — Просто навалилось много дел, вот и не получалось приехать. Как вы тут жили без меня? Вас никто не обижал?

Девочки дружно закивали, решив не признаваться, сколько слёз пролили от тревоги.

— Всё хорошо, господин Сугуру! Нам тут очень нравится. Тётя Юки о нас заботится.

Юки Годзё была одной из тех женщин Клана Годжо, у которых имелась проклятая энергия, но

напрочь отсутствовала врождённая техника. Раньше ей была уготована незавидная участь прислуги в Клане Годжо, но стоило Харе прибрать бразды правления к рукам, как он разглядел в ней потрясающую деловую хватку, превосходящую таланты большинства сородичей. Хара без колебаний доверил ей управление частью активов Концерна Годзё, и за короткий срок Юки превратилась в настоящую акулу бизнеса, чьё имя гремело в светских кругах.

Нанако и Мимико, обладавшие врождёнными техниками, изначально были просто переданы на попечение слугам поместья. Однако во время одного из своих визитов в Главное поместье Годжо Юки случайно столкнулась с малышками. Они так запали ей в душу, что женщина загорелась идеей официально удочерить их.

Для Хары ценность талантливой Юки как блестящего руководителя была неизмеримо выше, чем судьба двух маленьких приبلудных шаманок, поэтому он без лишних раздумий дал добро: если она сумеет завоевать их доверие и они сами назовут её матерью, он разрешит опеку.

Все эти три месяца Юки только и делала, что моталась в Главное поместье Годжо, заваливала сирот подарками, водила их на прогулки и окружала лаской, которой те были лишены всю жизнь. Неудивительно, что девочки быстро к ней привязались. Если бы не постоянное беспокойство о судьбе Сугуру, они бы уже давно переехали к своей новоиспечённой маме.

Теперь же, перебивая друг друга, девочки наперебой расхваливали любимую «тётю Юки».

Выслушав их восторженный щебет, Сугуру окончательно успокоился. Найти для спасённых им сирот любящую, надёжную мать — о лучшем исходе он и мечтать не мог.

Сугуру лично отвёл девочек к Юки. Стоило этой холодной, властной бизнес-леди увидеть малышей, как её лицо мгновенно озарилось мягкой, искренней нежностью. Все сомнения Сугуру рассеялись без следа.

— Госпожа Юки, вверяю их вашим заботам, — с мягкой улыбкой произнёс он, как бы невзначай добавив: — Я буду частенько навещать их, как только выкрою свободную минуту.

Юки ничуть не обиделась на скрытую угрозу в его словах. Напротив, её это только порадовало. Она по-настоящему привязалась к Нанако и Мимико, а то, что за её будущими приёмными дочерьми теперь стоял один из сильнейших магов особого ранга, делало их позиции в клане железобетонными.

Убедившись, что судьба девочек устроена наилучшим образом, Сугуру наконец вместе с Харой отправился обратно в Токийский магический колледж.

Когда перед его глазами снова выросли знакомые ворота, Сугуру показалось, будто с момента его ухода прошла целая вечность.

— Чи-чи! — раздалось над самым ухом.

Пронзительный писк крошечной обезьянки, сидевшей у него на плече, вырвал Сугуру из пучины воспоминаний.

Он ласково погладил зверька по пушистой макушке:

— Вот мы и дома, малыш. Приехали.

За два с лишним месяца уединённого существования на острове эта маленькая мартышка стала для него единственным близким существом. Они крепко привязались друг к другу, так что возвращаться в колледж без своего маленького компаньона Сугуру не собирался.

Но стоило ему переступить порог школы и заметить маячившую впереди долговязую фигуру Сатору, как ноги сами собой понесли его в обратную сторону.

Сатору, получивший от брата весточку о возвращении беглецов, шёл навстречу, чтобы поприветствовать их. Но не успел он дойти до ворот, как завидевший его Сугуру шуганулся в кусты словно от призрака. Разумеется, Сатору мгновенно сорвался с места, нагнал друга и преградил ему путь.

— Эй! Ты чего драпаешь, как нашкодивший кот?!

Сатору с подозрением уставился на друга через тёмные очки.

— Дже-е-ей, колись, ты явно что-то скрываешь! Брат сказал, что у тебя случился экзистенциальный кризис, ты весь зарос ментальной грязью и укатил на трёхмесячный курорт. Но почему при виде меня у тебя на лбу написано «виновен»? Ну-ка говори! Ты случайно не...

У Сугуру внутри всё похолодело.

«Чёрт...»

Один только взгляд назад, на его безумную идею «истребить всех обезьян ради рая для шаманов», вызывал у него жгучий стыд. Это была худшая часть его личной истории, глупая подростковая фаза, раздутая до масштабов трагедии. Он был уверен, что Хара ничего не скрывает от близнеца, а значит, Сатору сейчас начнёт глумиться над его «великим планом». Из чистого упрямства Сугуру и попытался сбежать, чтобы оттянуть этот позорный момент.

Но, судя по реплике Сатору, Хара сдержал слово и не стал раскрывать подробности его срыва.

Выходит, своей дурацкой попыткой побега Сугуру только разжёл его любопытство?

Пока Сугуру лихорадочно соображал, как выкрутиться, Сатору обвиняюще ткнул в него пальцем:

— Ты просто решил продолжить бездельничать и опять свесить на меня все свои миссии, да?!

Сугуру дёрнул углом рта и ловко уклонился от панибратского подзатыльника, способного разmozжить средних размеров валун.

— Вовсе нет! Моё душевное равновесие всё ещё висит на волоске. Если меня сейчас заставят работать, я тут же дезертирую в проклятые маги. Так что, Сатору, будь другом, поработай за двоих ещё немного!

На самом деле Сатору все эти месяцы не находил себе места от беспокойства. Но услышав, как Сугуру сам, совершенно буднично шутит на эту тему, он наконец оттаял. Если бы Сугуру действительно собирался предать их и уйти на тёмную сторону, он бы не проронил ни слова. Он просто исчез бы, оставив Сатору узнавать горькую правду от третьих лиц. Но раз уж он так спокойно разбрасывался подобными угрозами, значит, кризис миновал.

Сатору картинно надулся, сделав вид, что поверил.

— Ах ты хитрый жук! Всё-таки отлыниваешь! Ну и ладно, я тоже тогда уйду в бега. Стану проклятым магом, буду грабить корованы и плевать на отчёты! Красота же!

— Сатору, прекрати пороть чушь, — на автомате включил режим мамочки Сугуру.

— Вот ещё! — Сатору состроил гримасу. — Опять твои двойные стандарты! Тебе можно капризничать, а мне нельзя?!

Вдруг взгляд Сатору зацепился за пушистый комок на плече друга. Он удивлённо приподнял бровь:

— Ого, а это ещё что за чудо-юдо? Решил завести ручную мартышку? Ты что, все эти три месяца на пару с обезьяной скрывался? Сбежал с ней на край света?

Вообще-то Сатору попал не в бровь, а в глаз: большую часть своего «заточения» Сугуру действительно провёл один на один с этим зверьком. Но стоило ему вспомнить, как ещё недавно он высокомерно обзывал всех обычных людей «обезьянами», как невинная шутка друга показалась ему тончайшим и злейшим стёбом.

Наложив это на коварный умысел Хары, который подsunул ему животное исключительно ради

психологической терапии, Сугуру посмотрел на Сатору — обладателя точно такого же смазливового лица — и почувствовал, как в нём вскипает волна праведного гнева.

Аккуратно пересадив мартышку на ветку ближайшего клёна, Сугуру медленно размял кулаки:

— Слышь, Сатору... Давай-ка разомнёмся.

Сатору кровожадно осклабился:

— Давно пора!

Они сошлись в яростной рукопашной. Поскольку Хара в воспитательных целях вычистил весь его «зоопарк», оставив буквально пару треклятых духов, Сугуру даже не пытался прибегать к проклятым техникам — они дрались чисто на кулаках. Сатору, заметив это, тоже не стал использовать Безграничность и отключил защиту Безграничности. Драка пошла по-честному, кость в кость, удар на удар.

Маленькая мартышка, устроившись на ветке повыше, с нескрываемым восторгом наблюдала, как её хозяин мутузит долговязого блондина, и даже начала азартно хлопать ладошками.

Хара, задержавшийся у ворот по делам, вошёл на территорию чуть позже и сразу застал прекрасную картину: эти два оболтуса увлечённо перекапывали телами свежеуложенный газон нового тренировочного поля. Хара лишь мягко и понимающе улыбнулся. Что ж, кажется, угроза раскола и вечной вражды между лучшими друзьями окончательно сошла на нет.

Переполох и грохот, поднятые этой парочкой, выманили на улицу остальных обитателей колледжа. За последние три месяца, пока Сугуру отсутствовал, в школе воцарилась непривычная тишина. И теперь, услышав знакомый шум разрушений, все поймали себя на странной смеси ностальгии и лёгкого раздражения.

Прибежавшие на звук Нанами Кэнтю и Хайбара Ю застыли на краю поля. Увидев, что это их непутёвые старшеклассники снова выясняют отношения на кулаках, они облегчённо выдохнули.

— Сэмпай Гэто вернулся! Как же здорово! — просиял жизнерадостный Хайбара.

Нанами лишь негромко хмыкнул в ответ.

Всё то время, что Сугуру не было в школе, атмосфера вокруг Сатору и директора Яги была тяжелее свинца. Нанами интуитивно чувствовал, что со старшим товарищем стряслось что-то по-настоящему скверное. Он искренне переживал за него, пускай никогда и не показывал этого вслух. И теперь, видя Сугуру живым и здоровым, он наконец позволил себе расслабиться.

Яга Масамити подошёл к стоявшему неподалёку Харе:

— Значит, Сугуру пришёл в себя после своего «отпуска»? Остыл?

Хара кивнул:

— Да, вполне. Но к реальным миссиям его пока подпускать нельзя.

— Это ещё почему? — Яга нахмурился. — Получил серьёзную травму? Или психологический блок?

— Когда у него сорвало крышу, мне пришлось вмешаться, — спокойно объяснил Хара. — Чтобы урезать его разрушительный потенциал, я уничтожил большую часть его проклятых духов. Сейчас он практически «пустой». Пусть побудет в школе, пока не наберёт прежнюю силу.

На данный момент у Сугуру не осталось ни одного проклятия особого ранга. И хотя даже без них, за счёт одной лишь идеальной физической подготовки, он легко тянул на уровень особого ранга, его общая боевая мощь сильно просела. Отправлять его сейчас на миссии было слишком рискованно: попадись ему сильный противник с Расширением территории, и пиши пропало.

Хара предложил Яге временно освободить Сугуру от полевой работы. Вместо этого они с Сатору будут ловить сильных проклятых духов первого и особого ранга живьём и притаскивать их в школу на «кормёжку». Так Гэто быстро вернёт былую форму.

Яга надолго замолчал. Лишить мага большей части его силы просто для того, чтобы уберечь от безумия... Что же такое творилось в голове у этого парня?

До этого объяснения Хары звучали слишком буднично: «Сугуру немного перегорел, чуть не натворил глупостей, я отправил его подлечить нервы». Яга не до конца осознавал весь масштаб катастрофы. Но теперь, услышав про тотальную зачистку его запасов проклятых духов, директор осознал, по какому тонкому краю пропасти ходил его ученик. Какое счастье, что Хара успел вовремя вытащить его из этой петли.

Он тяжело вздохнул и согласно кивнул:

— Хорошо. Пусть будет так.

Тем временем драка на поле стихла сама собой. Извалявшись в грязи, Сатору и Сугуру помирились так же легко, словно между ними никогда не было той страшной пропасти, а три месяца разлуки испарились без следа.

Как и планировалось, близнецы Годжо общими усилиями заперли Сугуру в стенах школы. На

задания его не пускали, велев просто сидеть ровно и ждать «доставку еды».

Гэто оставалось лишь со вздохом принять эту заботу. Раз уж он выбрал путь реформатора, нужно было срочно подтягивать матчасть. Он скупил гору литературы по политологии, истории и социологии, а также засел за лекции по анализу современного вооружения. Когда на экране его ноутбука расцвёл величественный и жуткий ядерный гриб, Сугуру почувствовал, как лицо его горит от стыда за собственную глупость. Как он мог всерьёз называть обычных людей «слабыми обезьянами»? Безумная идея уничтожить всех не-магов теперь казалась ему не просто аморальной, но и до смешного нереализуемой. Единственным выходом оставалась реформация самого магического сообщества.

Помимо изучения трудов по философии и государственному устройству, Сугуру занялся тренировкой младших курсов, гоняя их на уроках рукопашного боя.

«Пожалуйста, только не смейте глупо умирать на заданиях. Станьте моими соратниками в этом бесконечном марафоне... и давайте добежим до финиша вместе».

Пройдя через волосок от смерти на одной из недавних миссий, Нанами и Хайбара рвались в бой с утроенной силой. Они тренировались до седьмого пота и, даже превращаясь после спаррингов с Сугуру в один сплошной синяк, упрямо поднимались снова. Результаты не заставили себя ждать: их мастерство росло на глазах, и теперь они могли продержаться против старшего товарища куда дольше прежнего.

В один из таких дней, едва Сугуру закончил тренировочный бой и опустил деревянный меч, сидевшая на ветке мартышка шустро доела банан и прыгнула к нему на плечо.

Стоило ему ласково потрепать зверька по шёрстке, как над школой взвыла оглушительная сирена барьера.

Сугуру обречённо вздохнул и поднял взгляд к небу, где прямо в воздухе над тренировочной площадкой соткалась фигура Сатору.

— Сатору! Сколько раз повторять: не таскай сюда незарегистрированных проклятых духов! Сложно было написать мне, чтобы я встретил тебя у ворот?!

Игнорируя натужный вой сирены, Сатору спикировал прямо к нему. В руке он сжимал извивающееся нечто.

— Какая неблагодарность, Сугуру! — театрально вздохнул он, прижав свободную руку к груди. — Я летел к тебе на крыльях любви, тащил этого шикарного воображаемого проклятого духа особого ранга — само Воплощение Тамамо-но Маэ! А ты вместо спасибо читаешь мне нотации! Моё сердце разбито!

Заметив притаившуюся на плече друга мартышку, Сатору прикрыл глаза ладонью и картинно зарыдал:

— Я так и знал! Завёл себе новую обезьянку и напрочь забыл старого друга! Ах ты изменщик коварный...

Сугуру молча проигнорировал этот концерт. Он просто протянул руку к зажатому в кулаке Сатору духу, активировал Технику манипуляции проклятиями и в считанные секунды сжал грозное Воплощение Тамамо-но Маэ в маленькую, иссиня-чёрную сферу проклятого духа. Небрежным жестом он закинул шарик в карман брюк.

Сатору проследил за его рукой, и его взгляд под тёмными стёклами очков мгновенно посерьёзnel.

— Почему не ешь? Это ведь проклятие особого ранга, способное на Расширение территории. Разве тебе не нетерпится опробовать его силу?

— Да ладно, успеется, — безразлично отозвался Сугуру. — Закинусь позже, в общежитии. Какая разница, он всё равно уже мой.

Лицо Сатору мгновенно утратило всякое весёлое выражение. Он медленно сдвинул очки на кончик носа, и его ледяные, пронзительно-голубые глаза в упор уставились на друга.

Под этим взглядом у Сугуру невольно пробежал мороз по коже. В такие редкие моменты сходство Сатору с его братом-близнецом Харой становилось пугающим. Стоило Сатору стереть с лица шутовскую ухмылку, как сквозь него проступала та же пугающая, холодная и отстранённая аура абсолютного божества, взирающего на суету смертных. От этой мистической силы захватывало дух.

— Тебе действительно всё равно, — негромко, без тени эмоций произнёс Сатору, — или ты просто не хочешь, чтобы я видел, как ты давишься этой дрянью?

Сугуру промолчал. Он понимал: раз уж Сатору спросил об этом напрямую, увливать и врать бесполезно. Молчание друга лишь подтвердило его догадку.

— И каково оно на вкус? — спросил Сатору.

Сугуру криво усмехнулся:

— Как тряпка, которой вытерли блевотину в общественном туалете. Редкостная гадость, поверь на слово.

На этот раз замолчал уже Сатору. Его захлестнула буря сложных, противоречивых чувств. Раньше он из чистого уважения к границам друга делал вид, будто ничего не замечает. Он знал, что Сугуру предпочитает поглощать сферы в одиночестве, скрываясь от чужих глаз, и никогда не лез с расспросами. Это было проявлением деликатности, а вовсе не равнодушием.

Но после того как этот скрытный придурок едва не дезертировал, чуть не разорвав их дружбу в клочья, Сатору зарёкся быть деликатным. Хватит с него этих игр в молчанку. Теперь он будет лезть прямо в душу, бесцеремонно и нагло, лишь бы этот партизан снова не запер свои проблемы глубоко внутри, пока они не рванут очередной катастрофой.

И Сатору решил пойти напролом.

Сугуру, которого Хара буквально силой вытащил из пучины безумия, тоже мало-мальски научился быть честным. И пускай идея вывернуть душу наизнанку перед лучшим другом до сих пор вызывала у него внутренний протест, искренняя забота в глазах Сатору заставила его сдаться. Сделав глубокий вдох, он решил больше не скрывать правду.

Атмосфера на поле сделалась натянутой и непривычно серьёзной.

Сатору замер, на его лице отразилась глубокая, почти философская дума.

— Погоди, Сугуру... — выдавил он с предельно серьёзной миной. — А откуда тебе так детально знаком вкус половой тряпки из блевотины? Неужели ты... реально её когда-то жрал?

От шока у Сатору даже очки съехали на траву. Он с благоговейным ужасом уставился на друга и уважительно поднял большой палец:

— Ну ты даёшь, чувак! Жрать говно с таким невозмутимым видом — это высший пилотаж! Признаю своё поражение, тут мне до тебя как до луны пешком...

На лбу у Сугуру вздулась толстая вена. Потеряв остатки самообладания, он с глухим рыком выбросил вперёд кулак, целясь аккурат в эту несносную, ухмыляющуюся физиономию.

— Мимо, мимо! — Сатору легко увернулся, вовремя активировав Безграничность, и победно заплясал на месте. — Не попадёшь!

Разъярённый Сугуру ринулся в атаку, напроць забыв о защите. Воспользовавшись моментом, Сатору ловким движением выудил из кармана его брюк чёрную сферу проклятого духа и быстро лизнул её языком.

Секунду спустя его лицо исказила жуткая гримаса:

— Бе-е-е! У-у-ух... Сугуру, твою мать! Ты реально изо дня в день жрёшь это дерьмо?!

Уважение, вспыхнувшее в глазах Сатору с новой, удвоенной силой, окончательно лишило Сугуру рассудка. Его ярость вышла на космическую орбиту.

Валявшиеся на траве полуживыми тушками Нанами и Хайбара, осознав масштабы надвигающейся катастрофы, спешно поползли в сторону кустов, пока их не раздавило взрывной волной от этой разборки особого ранга.

— Нанами... — сипел Хайбара, усердно работая локтями. — А почему они опять дерутся?

Нанами, методично пробиравшийся следом, сохранял абсолютное хладнокровие:

— Обычное дело для наших придурков. Не обращай внимания. Поднажми, а то зацепит.

Стоило им подняться на ноги на безопасном расстоянии, как мимо них ураганом пронёсся Сатору. Ударяя от беснующегося друга, он вопил на весь колледж:

— Срочные новости! Гэто Сугуру жрёт говно! Повторяю: Гэто Сугуру ест дерьмо на завтрак, обед и ужин!

— Заткнись, тварь! Я убью тебя!!! — взревел Сугуру, выпуская в бой тех немногих проклятых духов, которых успел приручить за эти дни. пылая праведным гневом, он обрушил на обидчика всю доступную ему мощь.

Бедные первокурсники, так и не успевшие покинуть зону поражения, оказались в самом эпицентре этой карусели безумия. Старшеклассники с грохотом нарезали круги вокруг них, поднимая тучи пыли и вырванной с корнем травы. Нанами и Хайбару мгновенно засыпало грязью с ног до головы.

— Кха-кха! — Хайбара отчаянно отплёвывался. — Слушай, Нанами... Мне ведь не послышалось? Сатору-сан только что прокричал, что Гэто-сан ест...

Взгляд Нанами сделался абсолютно стеклянным. Он уставился в пустоту:

— Кажется, у нас групповые галлюцинации на фоне переутомления. Забудь.

— Вот и мне интересно, — раздался за их спинами задумчивый голос Хары. Он плавно материализовался из ниоткуда и теперь с интересом наблюдал за побоищем, потирая подбородок. — Зачем Сатору понадобилось лично проверять вкусовые качества этой штуки? Ох уж это юношеское любопытство...

Хара видел всю сцену от начала до конца и, разумеется, прекрасно понимал, что под «дерьмом» блондин имел в виду концентрированную сферу проклятого духа.

Однако его слова произвели на непосвящённых первокурсников эффект разорвавшейся бомбы. Нанами и Хайбара замерли, их глаза округлились до размеров чайных блюдец.

«...»

То есть... мало того, что Гэто-сан этим промышляет, так теперь и Сатору-сан пристрастился?!

Нанами мысленно надел самый тяжёлый страдальческий венец в своей жизни. Перед его глазами всё поплыло. В этот момент будущее японского шаманизма показалось ему беспросветной, зловонной бездной.

«За какие грехи я поступил именно сюда?.. Жил бы себе спокойно, не зная, что сильнее маги современности — обычные копрофаги...»

Конечно, если включить здравый смысл, становилось очевидно, что никто из них дерьмо ложками не трескает. Но сам факт того, что два величайших мага устроили локальный апокалипсис из-за шуток про поедание фекалий, напрочь уничтожал их авторитет.

И ладно эти двое, но Хара-то! Тот самый «надёжный, адекватный старший брат Хара» — почему он подливает масла в огонь с абсолютно невозмутимым видом?! Неужели его вообще ничего не смущает?!

Нанами чувствовал, что ещё немного, и он начнёт орать в голос от абсурдности происходящего.

Хайбара же, как ни в чём не бывало, продолжал лучезарно улыбаться:

— Какая поразительная сила воли у наших сэмпаев! Я бы ни за что не решился попробовать... Кхм, такое. Настоящие монстры!

Лицо Нанами исказила судорога.

«Хайбара, ради всего святого, не принимай всё за чистую монету! И уж тем более не пытайся соревноваться с ними в этом! Что тут, чёрт возьми, заслуживает восхищения?!»

В этот момент самый надёжный человек в школе в лице Хары дружески похлопал Хайбару по

плечу и тепло улыбнулся:

— Сатору у нас всегда отличался тягой к экспериментам. Приятно видеть, что ты ценишь его энтузиазм, Ю!

«Я знал, что вы безумный братофил, Хара-сан, но это уже перебор! С каких пор поедание дерьма стало поводом для семейной гордости?! И вообще, почему вы упорно игнорируете тот факт, что Гэто-сан тоже в деле?»

К счастью, Хара всё же решил восстановить репутацию близких:

— Но ты не пойми превратно, Ю. На самом деле Сугуру, конечно, ничего такого не ест. Просто его техника требует поглощать проклятых духов в виде сфер проклятого духа. А поскольку проклятия рождаются из людского негатива, вкус у них соответствующий. Сугуру говорит, что это напоминает половую тряпку, которой убирали рвоту.

— Ого-о! — искренне восхитился Хайбара. — Гэто-сэмпай ещё круче, чем я думал! Добровольно жрать тряпки с блевотиной ради спасения людей — вот это я понимаю, героизм!

Нанами молча прижал ладонь к лицу.

«Иногда мне кажется, что учёба здесь — это какая-то ошибка... Хайбара, скажи честно, ты ведь просто издеваешься над ними со своим невинным лицом?»

<http://bllate.org/book/19549/2004340>